В.Ф. Гумбольдт

ОПЫТ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

III
ПЕРЕХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ В СОБСТВЕННОМ СМЫСЛЕ. РАЗДЕЛЕНИЕ ЕГО. ЗАБОТА ГОСУДАРСТВА О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ , В ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОМ, БЛАГЕ ГРАЖДАН

Выражаясь вполне общей формулой, можно было бы назвать полным объемом деятельности государства все то, что оно могло бы сделать для блага общества без нарушения выведенного выше начала; и отсюда непосредственно вытекало бы дальнейшее положение, что должно быть отвергнуто всякое вмешательство государства в частные отношения граждан во всех тех случаях, когда нет прямого нарушении прав одного из граждан кем-либо другим из них. В то же время необходимо – ввиду полнейшего расследования предложенного вопроса – точно рассмотреть, в частности, различные отделы обычной или возможной деятельности государства.

Именно, цель государства может быть двойная: оно может желать способствовать счастью или только стараться предотвращать зло, причиняемое либо природой, либо самими людьми. Если оно ограничивается последним, то ищет только безопасности, и пусть мне будет позволено раз навсегда противопоставить эту безопасность всем остальным возможным целям государственной деятельности, обозначенным общим именем положительного блага граждан. Различие применяемых государством средств также изменяет объем его деятельности. Оно стремится достигнуть своих целей либо непосредственно, употребляя в дело принуждение (положительные приказы, запретительные законы и наказания), либо же посредством поощрения и примера, или ими и другими средствами вместе, ставя граждан в положения, благоприятные для его целей, и как бы не допуская им действовать иначе, наконец, тем, что старается согласовать даже наклонности граждан с вышеназванными целями, действуя на умы и сердца. В первом случае государство определяет только некоторые отдельные действия граждан, во втором – большую часть их деятельности и в третьем, наконец, – даже характер их и способ мышления. Поэтому влияние ограничения в первом случае ощутительно менее всего, во втором уже более, а в третьем всего больше, частью потому, что здесь государству

* Печатается по: *Гумбольдт В.Ф.* Опыт установления пределов государственной деятельности / пер. с нем. – СПб., 1908. – С. 14–21, 27, 29–31.

приходится влиять на источники, из которых проистекают различные действия людей, частью и потому также, что самая возможность подобного влияния требует большего числа мероприятий. Как бы между тем различны ни казались отдельные отрасли государственной деятельности, однако едва ли существует хоть одно государственное учреждение, которое не принадлежало бы одновременно нескольким из них. Безопасность и благосостояние, например, тесно связаны друг с другом; забота же о безопасности, определяя хотя бы отдельные действия, влияет и на весь характер, когда частым повторением одного и того же вызывает привычку. Поэтому очень трудно найти здесь распределение целого, приличное ходу исследования. Лучше всего, по-видимому, начать с рассмотрения вопроса: должно ли государство иметь в виду положительное благо нации или только ее безопасность, и затем перейти к его отдельным мероприятиям, обращая внимание преимущественно на то, что им главным образом служит целью и что будет их последствием; в то же время, рассматривая обе вышеназванные цели, необходимо исследовать и средства, которыми государство имеет право пользоваться.

Поэтому я и говорю здесь об общем стремлении государства поднять положительное благосостояние нации; о заботе его увеличить население страны и материально поддержать жителей, частью прямо – посредством благотворительных учреждений, частью косвенно – посредством содействия земледелию, промышленности и торговле; обо всех финансовых и монетных операциях, запретительных ввозных и вывозных тарифах и т. д. и т. д., поскольку они имеют вышеназванную цель; наконец, о всех учреждениях для предупреждения или исправления вреда, произошедшего от причин, стоящих в зависимости от природы, – одним словом, о каждом государственном учреждении, имеющем целью поддержать или содействовать физическому благу нации. Нравственному благу содействуют чаще всего не ради него самого, а больше ввиду посторонней цели, именно ввиду безопасности, поэтому я и перейду к этой стороне вопроса только впоследствии.

Я пришел к заключению, что все названные учреждений имеют вредные последствия и не соответствуют истинной политике, исходящей из высших, но всегда человеческих точек зрения.

1. Дух правительства всегда господствует в каждом из подобных учреждений, но, как бы ни был мудр и благотворен этот дух, он тем не менее приводит к однообразию и навязывает нации чуждый ей способ действия. Люди приобретают в этом случае богатства в ущерб своим силам, вместо того чтобы соединяться в общества для развития этих сил, хотя бы при этом и терялось исключительное обладание имуществом и пользование им. Разнообразие, происходящее от союза многих, есть величайшее благо, даваемое обществом, и это разнообразие, несомненно, теряется по мере государственного вмешательства. В этом случае уже нет сочленов одной

нации, живущих вместе одною жизнью, а есть только отдельные подданные, находящиеся в известном соотношении с государством, т. е. с тем духом, который господствует в его правительстве, – в таком соотношении, при котором подавляющая власть государства препятствует свободному проявлению сил. Одинаковые причины одинаково влияют. Чем больше государство содействует достижению известных целей, тем однообразнее становится не только деятельность, но и результат ее. Но это-то и составляет прямую цель государства. Оно желает благосостояния и спокойствия. Но как то, так и другое достигается тем легче, чем менее столкновений между отдельными единицами. [...]

Государственные мероприятия всегда более или менее сопряжены с принуждением; но и в том случае даже, когда его нет, они слишком приучают человека более ожидать чужого поучения, чужого руководства, чужой помощи, нежели самому искать для себя исхода. Почти единственный способ, которым государство в состоянии поучать граждан, заключается в следующем: оно может объявить что-нибудь лучшим и как бы результатом своих изысканий и заставить граждан принять это либо непосредственно – помощью закона, либо посредственно – помощью какого-нибудь связывающего постановления; далее, оно может поддерживать это лучшее своим авторитетом и привлечь нацию к принятию его посредством наград или других поощрений; наконец, оно может рекомендовать это лучшее на основании разных доводов. Но по какому бы из этих путей ни шло государство, оно тем не менее удаляется от лучшего способа истинного научения; этот же последний заключается, бесспорно, в предложении всевозможных решений задачи, для того чтобы человек мог самостоятельно избрать то решение, которое наиболее прилично для данного случая, или, еще лучше, дошел бы до этого решения единственно при помощи надлежащего изложения всех препятствий.

Этому методу государство может следовать по отношению к взрослым гражданам только отрицательно, т. е. предоставляя им свободу, которая одновременно создает препятствия и вместе с тем порождает силу и умение устранять их. Положительный же метод применим лишь к подрастающему поколению при помощи настоящего национального воспитания. Мы впоследствии пространнее рассмотрим возражение, которое здесь легко может быть сделано, именно, что при исполнении тех задач, о которых здесь идет речь, гораздо важнее, чтобы дело вообще было сделано, чем чтобы тот, кто его исполняет, извлекал из него для себя поучение, т. е. важнее, например, чтобы поле хорошо было обработано, чем чтобы земледелец был самым умелым хозяином.

Но еще более страдает от слишком усиленной заботливости государства энергия действия вообще и нравственный характер. Это едва ли нуждается в дальнейших доказательствах. Кем часто и много руководят, тот легко доходит до того, что как бы добровольно жертвует остатком своей самодеятельности.

Он считает себя освобожденным от той заботы, которую видит переданной в чужие руки, и думает, что для него достаточно ожидать извне руководства и следовать ему. Чрез это нарушается правильность его представления о заслуге и вине. Идея первой не одушевляет его, и мучительное чувство последней охватывает его все реже и реже, так как он гораздо легче сваливает ее на свое положение и на того, кто создал это положение. Если при этом случится, что он не будет почитать цели государства за вполне чистые, а будет думать, что оно имеет в виду не одну его пользу, но в то же время и какую-нибудь чуждую, побочную цель, то пострадает не только его сила, но и достоинство его нравственной воли. Он будет считать себя свободным от всякой обязанности, которую бы государство не прямо и ясно наложило на него, и от всякого необходимого улучшения своего собственного положения; причем он иногда даже может бояться подобного улучшения как нового случая, которым государство могло бы воспользоваться. Даже законы государства он будет стараться, насколько возможно, обойти и будет считать себя в выигрыше каждый раз, когда ему это удастся. Если мы вспомним, что у немалой части нации законы и постановления государства определяют как бы весь объем ее нравственности, то не произведет ли подавляющего впечатления тот факт, что одни и те же уста предписывают иногда священнейшие обязанности и высказывают самые произвольные распоряжения, обеспечивая исполнение и тех и других весьма часто одинаковыми наказаниями. Не менее очевидным образом отражается вышеназванное вредное влияние на отношениях граждан между собой. Насколько каждый уповает для самого себя на заботливую помощь государства, настолько и еще гораздо более предоставляет он ей судьбу своих сограждан. Это же ослабляет взаимное участие граждан, ослабляет и желание их помогать друг другу. Общественная помощь всего сильнее там, где наиболее живо чувство, что все зависит от нее одной: опыт показывает, что именно угнетенные, как бы заброшенные правительством части народа всегда наиболее тесно связаны между собою. Там же, где граждане равнодушны друг к другу, там и супруг холоднее к супругу, и отец семейства к семье.

Предоставленные сами себе во всех своих действиях и предприятиях, лишенные всякой посторонней помощи, которой они не сами бы достигли, люди, конечно, часто по своей вине или безвинно впадали бы в несчастие или в затруднения. Но счастье, предопределенное человеку, не может быть иным, чем то, которого он достигает при помощи собственной силы; а вышеназванные положения именно и изощряют разум и образуют характер. Там, где государство устраняет самодеятельность слишком значительным вмешательством, – там разве не встречается подобных зол? Они возникают и там и предоставляют человека, уже привыкшего полагаться на чужую силу, гораздо более безнадежной судьбе. Насколько борьба и деятельный труд облегчают несчастие, настолько же, и даже в большей степе-

ни, делает его тяжелым безнадежное и, быть может, обманчивое ожидание. Даже в самом счастливом случае государства, о которых я здесь говорю, слишком часто похожи на врачей, поддерживающих болезненное состояние и отдаляющих смерть. До того времени, пока появились врачи, люди знали только здоровье или смерть.

3. Все, чем занимается человек, будь оно назначено хоть только для посредственного или непосредственного удовлетворения физических потребностей или вообще для достижения внешних целей, теснейшим образом связано с внутренним чувством. Часто рядом с внешней целью есть еще и внутренняя, и весьма нередко эта последняя, в сущности, главным образом и имеется в виду, между тем как первая только по необходимости или случайно связана с ней. Чем большей цельностью обладает человек, тем свободнее исходит внешнее занятие, избранное им, из его внутреннего существа и тем чаще и теснее связывается это внешнее занятие с внутренней его жизнью там, где выбор его был обставлен затруднениями. Поэтому цельный, полный внутреннего содержания человек во всех положениях и занятиях остается цельным и содержательным; поэтому же и развитие его достигает высокой степени совершенства при образе жизни, согласном с его характером. [...]

4. Забота государства о положительном благе граждан вредна еще и потому, что направлена на смешанную массу и вследствие этого вредит отдельной личности своими мероприятиями, которые применимы к каждому отдельному лицу только с значительными погрешностями.

5. Она препятствует развитию индивидуальности и своеобразности человека... в нравственной и вообще практической жизни в том случае, когда он следует тем началам, которые одни составляют главную основу права, т. е. постоянно стремится к высшему и своеобразнейшему развитию самого себя и других, везде руководится этой чистой целью и подчиняет ей всякий другой интерес без примеси каких бы то ни было чувственных побуждений. Но все стороны, которые может развивать в себе человек, находятся в удивительно тесной связи; и если уже в умственном мире эта связь хотя не теснее, но во всяком случае яснее и заметнее, чем в физическом, то она еще гораздо более заметна в мире нравственном. Поэтому люди должны вступать в союзы друг с другом не для того, чтобы терять своеобразность, но чтобы избегать обособленности и исключительности; союз должен не превращать одно существо в другое, а как бы давать одному доступ к внутреннему миру другого; то, что каждый сам по себе имеет, он должен сравнивать с тем, что получает от других, и сообразно с этим изменять свое, не позволяя ему, однако, подавляться чужим. [...]

6. Очевидно, что при этом установлении всего необходимее взвесить предполагаемые выгоды и сравнить их с неудобствами, и в особенности с ограничением свободы, всегда имеющим место в этом случае. Однако такое сравнение всегда затруднительно, и если бы хотели провести его

полным и точным образом, то оно, может статься, оказалось бы совершенно невозможным. Всякое ограничительное учреждение приходит в столкновение со свободным и естественным проявлением сил и вызывает множество новых отношений и последствий, количество которых невозможно и предвидеть, даже принимая в расчет только самый нормальный ход явлений и оставляя в стороне все какие бы только ни было важные и непредвиденные случайности, в которых, однако, никогда нет недостатка.

Каждый, кто имел случай заняться высшей правительственной деятельностью, знает из опыта, как невелико число мер, в сущности зависящих от непосредственной, абсолютной необходимости, и сколькие из этих мер необходимы только относительно, опосредованно, находясь в зависимости от других, предшествовавших им мер. При этом становится необходимым гораздо большее число мероприятий, и именно таких, которые должны бы были служить для достижения главной цели. И такое государство не только нуждается в больших доходах, но требует более искусственных учреждений для поддержания самой его политической безопасности, так как части его сами по себе менее тесно связаны и забота государства должна быть поэтому более деятельна. Отсюда проистекает равно затруднительный и, к сожалению, часто упускаемый из виду вопрос: достаточны ли естественные силы государства для доставления ему всех необходимых средств? Если этот вопрос разрешается неправильно, то является полная неурядица и силы чрезмерно напрягаются вследствие новых искусственных мероприятий – от этого зла страдают многие из современных государств, хотя и не исключительно по одной вышеуказанной причине.

Здесь в особенности не следует упускать из виду одного вредного явления, близко касающегося человека и его развития, именно: что самое ведение государственных дел усложняется и что для избежания путаницы необходимо большее число частных учреждений и множество лиц, посвященных этого рода деятельности. Но большинству этих последних приходится иметь дело только со знаками и формулами. Вследствие этого не только много умных людей лишаются возможности мыслить и многие руки, которые могли бы при других условиях заняться производительным образом, отрываются от настоящей работы, но даже самые умственные силы людей страдают от этих частью пустых, частью односторонних занятий. Таким образом, нарождается и разрастается новый способ заработка – ведение государственных дел, и этот заработок ставит государственных слуг в гораздо большую зависимость от государства, платящего им жалованье, чем собственно от нации. Опыт неопровержимым образом доказывает, каковы дальнейшие вредные последствия, проистекающие из этого постоянного ожидания государственной помощи, именно: отсутствие самодеятельности, ложная гордость, бездеятельность и даже нищета. То же зло, из которого проистекают все эти вредные влияния, в свою очередь вызывается ими. Лица, которые начали уже управлять таким образом государствен-

ными делами, все более и более отвлекаются от самой сущности вещей и обращают внимание лишь на форму; они делают, может быть, иногда и существенные улучшения, но такие, однако, при которых сущность дела не принимается во внимание – причем эти улучшения часто идут даже во вред делу; вследствие этого возникают новые формы, новые осложнения, часто новые ограничительные установления, отчего в свою очередь происходит, и очень естественно, увеличение числа слуг государства. Поэтому в большинстве государств с каждым десятилетием увеличивается персонал государственных слуг и объем ведомств, а свобода подданных уменьшается. При таком управлении все, конечно, сводится к тщательнейшему надзору и к точнейшему и честнейшему исполнению обязанностей, так как возможность нарушать то и другое становится все большей и большей. Поэтому и стараются (и не без основания) проводить все через наивозможно большее число рук и удалить даже возможность ошибок или злоупотреблений. Но вследствие этого ведение дел становится почти совершенно механическим, а люди превращаются в машины, и настоящее уменье и честность все уменьшаются по мере уменьшения доверия. Наконец, вследствие этого же вообще теряется способность правильно судить о том, что важно и что неважно, что достойно уважения и что презренно, что заслуживает быть главнейшей и что является второстепенной целью. Это и не может быть иначе, так как занятия, о которых здесь идет речь, получают большое значение и, если государство хочет быть последовательным, должны получать таковое. И так как необходимость занятий этого рода, в свою очередь, выкупает свои неудобства многими бросающимися в глаза благотворными последствиями, то я не останавливаюсь на этом вопросе и перехожу к последнему предмету, который мне остается рассмотреть и для которого все вышеприведенное могло служить лишь необходимым подготовлением, т. е. к изменению точки зрения, вообще вызванному положительной заботой государства о гражданах. [...]

© Жовтун Д.Т., составитель, 2011